

ИГОРЬ, ПРИВЕТ!

Говорят, чтобы узнать человека, надо с ним, по крайней мере, пуд соли съесть. С моим другом Игорем Игнатенко я, наверное, гораздо больше этого ценного продукта употребил за те 40 с лишним лет, что нас связывают. Узнал его до конца, до самого доньшка? Черта с два! Он всегда, даже в нашем необузданном студенчестве, казался человеком благоразумным и обстоятельным, но в то же время этот самый «благоразумный и обстоятельный» мог такой неожиданный «финт» закрутить...

К примеру, как-то поехал на школьную практику в свой родной Тамбовский район, а через месяц-полтора звонит: «Приезжай на свадьбу. Женюсь!» И ведь действительно женился! Сегодня у них с Ларисой Александровной, той самой математичкой, что обольстила практиканта-очкарика, уже куча внуков растет.

«Не за себя старались»

Или взять начало 70-х годов, когда Игорь у нас в «Амурке» спортивным репортером работал. Удивляетесь? Так ведь будущий поэт, нынешний глава Амурской писательской организации Игорь Данилович Игнатенко еще в студенчестве был чемпионом Дальнего Востока в легкоатлетическом десятиборье, значок «Кандидат в мастера спорта» носил! Так вот, подбил сотоварища - меня, тогдашнего председателя профкома «АП», на участие редакционной команды в легкоатлетической спартакиаде обкома профсоюза работников культуры. В те годы массовый спорт еще в почете был, и каждый профсоюзный обком свою спартакиаду проводил. Сoglасие дать легко, а вот команду собрать... В «Амурке» в то время молодежи маловато было, все больше почтенные уже журналисты работали. Игорь успокоил меня: - Я сам больше половины видов «закрою», ты трянешь

старинной... А там, где своих не будет хватать, друзей пригляшу...

- Но это ж подставка!
- А кто узнает?

Игорь действительно в основном «амбразуру» собой закрыл. Он и прыгал, и бегал, и метал все что можно, причем занимал во всех видах первые места. Потому мы неожиданно вышли в лидеры, потеснив команду обкома комсомола, признанного фаворита подобных спартакиад. Как могли, помогали Игнатенко я, еще три-четыре полумолодых сослуживца и... двое курсантов из танкового училища. Оба парня были легкоатлетами-перворазрядниками, но Игорь одел их в какие-то мешковатые широченные шаровары - чтобы не выделялись своими спортивными фигурами.

Последним видом спартакиадной программы был бег на пять километров. Измочаленный Игорь просто физически не мог бежать, я за собой никогда стайерских способностей не усматривал и решительно воспротивился попыткам отправить меня в пятикиломет-

ровый забег: «Умру, но не добежу до финиша!» На старт пошел невозмутимый курсант-танкист в своих широченных шароварах. Игорь его напутствовал:

- На финише будь вторым или даже третьим, чтобы в глаза не бросаться...

Круг второй, третий... Наши «шаровары» бегут вторыми, вслед за долговязым парнем из Райчихинска. От остальной группы оба оторвались прилично.

- Что он делает! Я же ему установку дал, - вдруг заволновался Игорь.

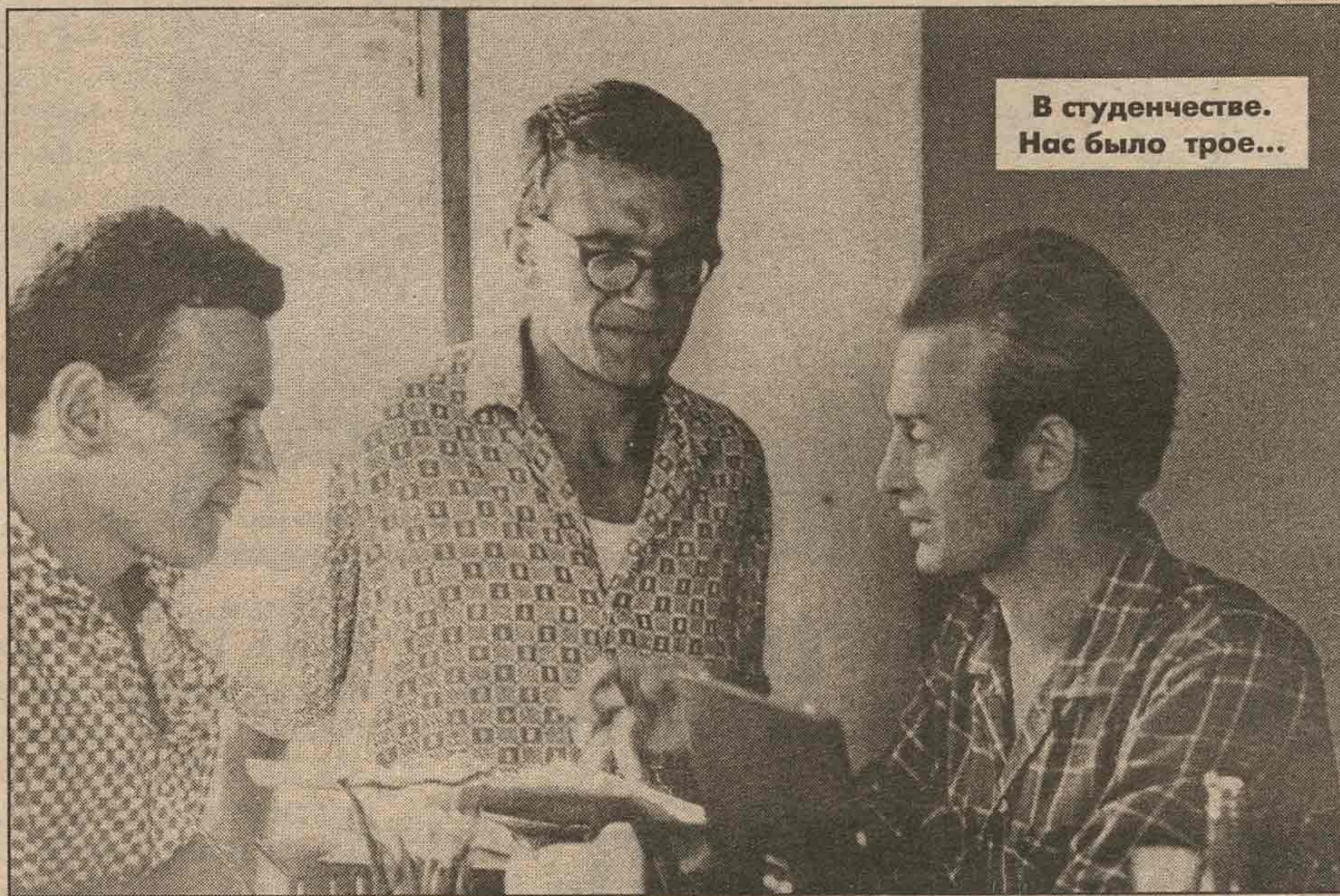
А в это время «шаровары» обошли «долговязого» и под рев трибун финишировали первыми.

- Ты зачем выиграл? - напустился Игорь на курсанта.

- А райчихинец мне сам предложил, сказал, что он подставной и ему нельзя «светиться». Не буду же я объяснять, что и я подставной, - оправдывались «шаровары».

На следующий день принесли мы в редакцию кубок за командную победу, естественно, рассказали, как прошла спартакиада. Старички наши похотели над историей о «за-

беге подставных», а один из них (не буду фамилию называть), отхохотавшись, решил принципиальность проявить - предложил рассмотреть на партсобрании персональные дела двух молодых коммунистов - Филоненко и Игнатенко. За обман общественности, несов-

В студенчестве.
Нас было трое...

МУЖСКАЯ ДРУЖБА

А. Филоненко

Зимой холодным сердцу
быть нельзя,
Да вот один согреешься
едва ли.

По кругу, а быть может,
по спирали
Шагаю к вам,
старинные друзья.

Не вороха подарков
вам несу,
А припасая искренние
речи

В предисущенье
нашей новой встречи
И новые стихи
на строгий суд.

И вы меня простите,
как всегда,
И вы меня поймете
так, как нужно,
На то она и есть
мужская дружба,
Проверенная
в трудные года
1973 г.

старые туфли...

- ???

- Он поехал в новых и все ноги стер. Вчера звонил, жаловался.

- Лариса, но я же не знаю, где Останкино в Москве находится...

- А где «Лужники», знаешь?

- Конечно.

- Вот на стадионе и найдешь его. В Москве сейчас чемпионат страны по легкой атлетике проходит...

Лечу в первопрестольную. Устраиваюсь в гостиницу и - на стадион.

Вход свободный. Легкая атлетика это вам не футбол - трибуны «Лужников» почти пусты. По радио как раз объявляют состав забега на 400 метров с барьерами, слышу знакомую фамилию: «Леонид Коропниченко, Амурская область...» Ну тогда Игорь точно здесь, где-то рядом! Оглядываю чашугромадину стадиона - вроде вон его долговязая фигура. Подхожу, молча подсаживаюсь: «Туфли вот тебе привез». «Какие еще туфли, смотри, как Лешка бежит!» Не спасибо, не здравствуй. Он весь там, в забеге! Это потом уже: «Откуда ты взялся? Как нашел меня?»

местимый с журналистской этикой. Ни больше ни меньше! Хорошо, что на то собрание пришел кто-то из секретарей обкома и, посмеявшись от души, спустил наши персональные дела на тормозах, посоветовав «заявителю» то ли в шутку, то ли всерьез: «Надо было самому участие в спартакиаде принять, тогда бы и не пришлось ребятам подставных искать, они ведь не за себя, а за весь коллектив старались...»

«На стадионе найдешь»

А вот еще одна, на мой взгляд, любопытная история, дополнительный штришок к характеру моего «обстоятельного и благоразумного» друга.

После «Амурской правды» Игорь вернулся туда, где и начинал свою журналистскую карьеру, - в областной телерадиокомитет. Как-то отправили его на учебу в столичное Останкино. То ли на месяц, то ли на два. А здесь как раз у меня командировка в Москву выпала. Узнала об этом Лариса, жена Игнатенко, просит:

- Саша, отвези Игорю его

ИГОРЬ ИГНАТЕНКО (Отрывок из повести)

ЗА ХЛЕБОМ

...Головка очереди втянулась в нутро магазина, и людская череда, слабо пошевеливаясь, переваливаясь с ноги на ногу, притопывая, постукивая валенок о валенок, ждала своего часа войти с мороза в нагретость сельповской торговой точки. Тут были тоже свои правила. Чтобы не настужать магазин, каждый хлопок двери выпускал и одновременно впускал по одному человеку.

Первым отоварился дед Желтов. Чего он там в магазине выступал - неизвестно, только выговориться до конца явно не сумел. Появившись на крыльце, он похлопал себя по оттопыренному отвороту полушубка. Грудь бугрилась - это он туда хлеб засовывал за неимением сумки, ибо жил дед бобылем и домашний скарб презирал со всей силой пролетария.

- Вот он, хлебушко! У сердца лежит... греется... и меня, старика, тож...

Оглядев пацану да старушонку, дед продолжил речь, начатую в магазине. Выступать перед народом было его страстью. Он принимал половчее трех на голове и воздел картинно руку, как Ленин на броневике.

- Односельчаны!.. Дорогие мои земляки!.. Стойте на морозе за хлебушком... пристыли... И-эх! Робятки... Отцы ваши, значить, растут на полях бескрайних пшеничку да ямень... В закрома Родины... А как пожрать - торчи в очереди. Будьте любезны!..

Дед крикнул, махнул поднятой рукой, словно обрубал невидимый канат, которым он временно пришвартовался к магазинному крыльцу, размашисто шагнул со ступеньки на утопанный до глянца снег.

- Пища есть... будет и день, - завершил он загадочно и, как обычно, замысловато.

И растворился в окончательно потемневшем утре.

Наконец настал момент, когда на низенькое крыльцо перед входной дверью шагнул Лешка, за ним и Ванькин черед приспел. Немного погодя таким же порядком оба дружка попали в нутро магазина. Яркий свет лампы-сотки резанул по глазам. Приятно охватило хлебным парным теплом.

Клавка-продавщица орудовала гирьками, кромсала буханки громадным ножом, а то прибрасывала на тарелку весов кусочки хлеба, когда буханка не вытягивала на требуемый отпускной килограмм. Эти-то доведки были законной добычей всех гонцов за хлебом. Главное было - принести в целости буханку. Хуже, если хлебный кирпич тянул свыше килограмма - вот тогда-то и пускала Клавка в дело свой безжалостный «мессер». На уроках немецкого языка мальчишки уже узнали, что так у немцев называется нож. От минувшей Великой Отечественной войны их отделял как раз отрезок их еще коротеньких жизней...

На хлебной полке, увидел Ванька, оставался с десяток буханок белого, горбатистого и заманчиво вкусного, с припеком по бокам, с зарумяненным верхом. Дальше стояли булочки поменьше ростом - та самая «чернышка», которой отдавал предпочтение дед Желтов, хотя, наверное, не отказался бы, достанься он всем его пропустившим, и от белого хлеба. Ванька сглотнул набежавшую слюну, шмыгнув носом. Во рту воскрес подзабытый вкус кисло-

сладкого мякиша, упругого вначале и клейкого, когда разжуешь. Ванька чуть не захлебнулся, аж закашлялся. Вообще не один он то и дело кашлял - с мороза ли настуженным горлом, с голодухи ли нараставшей.

- Вы мне инфекцию не разносите тут, соплюшники, - прикрикнула Клавка на рыньих кашлюнов.

Ванька подтолкнул Лешку:

- Посмотри, сколько впереди тебя стоит. Сам он торопливо считал глазами булочки белого хлеба. Теперь уже восемь осталось, вроде так...

- Тринадцать... чертова дюжина... - считал лютой и Лешка.

«Ну вот, не надо было зубы чистить да умываться... - с обидой подумал Ванька. - Вечно мамка пристает по утрам. Сколько времени зря ухлопал, после можно было бы. Зато успел бы купить белого...»

Он стянул с рук отсыревшие рукавички, стряхнул льдышки и полез в правый карман. Скрюченными пальцами поскреб по дну, ощутил набившийся и сюда комок снега. Но рубля не нащупал. Должно быть, пальцы потеряли чувствительность, сообразил Ванька. Он вытащил руку из кармана, подышал в кулак, пошевелил пальцами, возвращая им подвижность, потер кончики о телогрейку. Снова пошарился в кармане - ничего... Тогда он кинулся искать деньги в левом кармане, выскреб и оттуда горсть снега, но рублевика не обнаружил.

- Че топчешься? - подтолкнул его сзади Дробья.

- Толян, я деньги потерял... - сведенными, сухими до горечи губами прошептал самому себе Ванька.

- Давай, двига! - не расслышал его Дробухин.

Ванька послушно приткнулся в спину к Лешке Селиванову. Он продолжал лихо-радожно обыскивать фуфайку: может, в подкладку через дырку завалился проклятый рубль? Но подкладка была цела. Попалось несколько тыквенных семечек, ослизлых и никому сейчас не нужных. Даже залез за чем-то в карманы штанов, лишь бы оттянуть окончательный приговор - деньги потеряны. Конечно, случилось это, когда играли в «свинку» и после барахтались в снегу, устроив кучу-малу.

- Я час! - обернулся он к Толяну.

Ванька кинулся на улицу. В желтом свете лампочки остаток очереди пропустил его, сплотно он и впрямь уже купил хлеба и отправился домой.

На дороге лишь чернели котяхи. Здесь вряд ли он мог оброниться. Скорее всего, это случилось вон там, в примятом сугробе, куда его толкнул Дробья. Ванька упал на колени, сляясь разглядеть в потемках пропавший «рыжик», потом начал разгребать сугроб голыми руками, всхлипывая и причитая:

- Ну где же он?.. Че я мамке скажу-у?..

Через несколько минут он понял, что если пропавший рубль действительно и был здесь, то теперь он его своими руками закопал так, что днем с огнем не сыщешь.

В кругу семьи.

Впрочем, редко кто из нас, пишущих, может похвастать благополучием и карьерой. Где-то сам бываешь виноват, где-то с начальством характерами не сойдешься, но это, согласитесь, лучше, чем не иметь характера вовсе. Несколько раз Игнатенко уходил из комитета, чтобы... вернуться назад.

Последнее возвращение Игоря на радио бы назвал триумфальным. Потому что уже зрелым мастером он сотворил то, к чему шел долгие годы, - в эфире зазвучала его «Стезя». К нему в студию приходили рабочие и писатели, музыканты и крестьяне... Приходили люди, близкие автору по духу, и говорили о себе, о времени,

записана незадолго до кончины этого славного амурского композитора, безвременно ушедшего от нас. Сколько было в ней боли, планов и надежд!..

Впрочем, и для Игоря Даниловича «Стезя» с нашим общим другом Николаем Алексеевичем Лошмановым стала одной из последних радиопередач в его журналистской карьере... То ли «Стезя» чем-то кому-то не показалась, то ли Игнатенко опять законфликтывал со своим начальством, но пришлось ему вновь прощаться с телерадиокомитетом и переключаться теперь уже, как говорится, на постоянной основе на дела писательские.

Кто от этого выиграл, кто проиграл? Не знаю. Знаю одно: чего-то даже близкого по своей публицистичности «Стезе» на Амурском радио пока нет и, как мне кажется, в ближайшее время не предвидится. А жаль!

«Любите, знайте, помните...»

Нас было трое в одной... Нет, не в лодке, а в комнате студенческой «общаги». Три года мы прожили бок о бок, объединяясь в моменты катастрофического безденежья (а при деньгах мы бывали очень редко) в единую «коммуну», готовая на «подпольной» электроплитке общий обед-ужин на троих. Когда кашеварил Игорь, то «коммуна», как правило, довольствовалась перловой кашей («богатырской», как звал ее сам повар). Он был самым младшим и, естественно, самым несмышленным в нашей «семье» - в 16 лет в институт поступил. Это потом, уже к курсу второму, у него появилась наша сноровка, и он мог занять у состоятельных соседей по этажу и пяток картофелин (без отдачи!), и даже луковичу. А к третьему курсу мог спокойно добыть и кусочек сала... Жизнь студента всему научит!

Двое из нас уже тогда писали стихи, а третий (это я!) по их просьбе пытался определить, кто из поэтов талантливее. Положение мое было архисложное: похвалить одного - значило обидеть другого. Рассудило их время - Игорь стал профессиональным литератором, а Николай Недельский (ныне профессор АмГУ) пишет и публикует время от времени... рецензии на новые поэтические сборники Игнатенко.

Но на дверях нашей комнаты мы как-то повесили поэтический экспромт именно Недельского, а не Игнатенко:

- Любите, знайте, помните живущих в этой комнате! Вот Игнатенко, парень сельский.

*«Читатели, физкульт-привет!»
Здесь проживает пан Недельский - стилиста, ..., поэт!*

На месте многоточия, конечно же, стояло слово, которое я не рискну напомнить сегодняшнему профессору (иначе авторитет его может пострадать). Не буду цитировать и строки, которые Николай Николаевич посвятил моей скромной персоне. Зачем?

*Экспромт заканчивался так:
- Друзья, покорно просим*

*к нам!
Мы любим симпатичных дам!
Это поэтическое послание вызвало тогда фурор на этаже и... исчезло в тот же вечер. Через много лет после нашего выпуска А. В. Лосев, преподававший нам литературоведение, энциклопедист-умница, сознался:*

- Та вирица у меня в архиве. На память снял...

Кажется, надо закругляться. Не знаю, не уверен, что этим своим опусом я смог обогатить образ амурского поэта (почти что классика!) Игоря Игнатенко. А впрочем, ведь писал я не о поэте, а о своем друге-однокашнике, у которого на днях юбилей намечается - 60 лет, как на белом свете живет! С чем я его и поздравляю.

Знаешь, Игорь, несколько лет назад пришлось мне быть свидетелем такого занимательного случая. Иду по нашему Благовещенску вместе с тогдашним своим редактором Л. Ф. Сарapasом, которому в то время было примерно столько же, сколько нам сегодня. И вдруг один из встречных моему редактору этак панибратски на ходу бросает:

*- Ляня, привет!
Сарapas аж просиял от счастья:*

- Здорово, что еще есть люди, которые меня просто по имени, без отчества, помнят!

А Леопольд Феликсович, смею тебя заверить, мудрый человек!

*Так что:
- Игорь, привет!
Александр ФИЛОНЕНКО.*

Фото из семейного архива И. Д. Игнатенко.

Его «Стезя»

Что это я все о спорте и о спорте... А впрочем, почему бы и нет? Спорт, если хотите, характер формирует: или ты боец, или...

В телерадиокомитет Игорь пришел в 1965-м, отслужив положенный после института год в ракетных войсках. Почему именно туда? Дорожка была проторенная - там уже работали выпускники с нашего института. Начинать уверенно - готовил и вел молодежные, спортивные передачи.

Мне всегда нравились и его доскональный подход к теме, и умение подать ее. Он терпеть не мог мнимо-многозначительного многословия, которым так страдают сегодняшние радиожурналисты - «шлеп большой, а тяги мало». А еще всегда чувствовалось, что он любит и ценит родной русский язык - уверенность фраз, отсутствие всякой вычурности. Даже когда стала входить в моду нынешняя «скорострельность», стремление сказать чуть ли не целую страницу текста на одном вздохе, Игорь оставался самим собой - его бархатистый баритон звучал все также неторопливо, обстоятельно (без всякой «каши» во рту).

Не все было гладко и ладно в его журналистской судьбе.

ИЗ ДОСЬЕ «АП»

Игорь Данилович Игнатенко - наш земляк, коренной амурчанин, родился 4 мая 1943 г. в селе Ромны, детство и юность провел в селе Тамбовка.

Окончил Благовещенский пединститут, историко-филологический факультет. Работал на Амурском радио и телевидении, в газетах «Амурская правда», «Кадры - селу». Участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1979). Член Союза писателей России с 1991 г., поэт и прозаик.

Автор одиннадцати книг стихотворений и прозы. Лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений и поэм «Прощай...» С 1996 г. председатель правления Амурской областной писательской организации. Редактор альманаха «Росток».

Живет в Благовещенске.

делились мыслями, чаяниями. Шел очень важный и заинтересованный разговор о человеке и его предназначении в этой жизни, о его стезе...

Мне особо запомнилась «Стезя» с Николаем Лошмановым. Она, как потом оказалось, была

Стопроцентно была права жена экс-десятиборца - не усидит радиожурналист Игнатенко на лекциях, когда рядом чемпионат страны по легкой атлетике идет...

Кстати, что касается легкой атлетики, то я не встречал еще человека, который обладал бы такими, как у Игоря, феноменальными способностями запоминать имена рекордсменов, их метры, минуты, секунды... Разбуди его посреди ночи и спроси: «Кто на сегодня лучший в мире или в стране в марафоне или, скажем, в тройном прыжке?» - и он без запинки назовет и замысловатую фамилию, и результат, и время установления рекорда... Не на шутку зацепила его в молодости «королева спорта»! Хотя не только победами она радовала моего друга, но, увы, травмами тоже.

Помню его и в бинты упакованного, и загипсованного. У него только три или четыре раза на соревнованиях шест ломался. Парень-то рослый был, на пушинку никак не походил, а где в нашей глухомани можно было тогда приличнейший шест найти?! Вот и приходилось черт те с чем (вплоть до дедовского бамбука) в сектор выходить, ведь прыжки с шестом - обязательный вид в десятиборье.

валенками-кораблями и хлопнула дверью.

- Ты чего тут у печки застрял? - заметила Клава мальчишку. - Никак Крюков? Ну да... Ваня... А глаза чего на мокром месте? - приглядевшись внимательнее, спросила она грубоватым голосом, в котором однако почувдился Ваньке обнадеживающие нотки. - Иди, иди сюда. Да оторвись ты от печки!

Мальчишка несмело подошел к прилавку и протянул молча тетке Клаве слипшиеся в кулаке монетки.

Как опытный следователь, тетка вмиг оценила ситуацию.

- Значит, посеял денежки? Отец зерно сеет, а ты рубли... На сколько тут у тебя выходит? - она сочла монеты. Побрякала костяшками на счетах. - Четыреста семьдесят пять грамм выходит.

Точные цифры особенно смутили Ваньку и вновь повергли в состояние глубочайшего уныния. Очевидно, на его лице была написана вся картина переживаний. Тетка Клава ребром ладони подвинула по вылощенному до глянца прилавку Ванькины деньги.

- Разве на столько вашу семейку накормишь? Килограмм до ужина сметаешь, небось...

Она нагнулась под прилавок, достала черную дерматиновую сумку. Дернула замок-молнию, заглянула туда, пошуровала внутри, принамурилась.

- Вот же оглоеды! Мамкино горе... Все бы им играть... Нет на вас управы! - произнесла она в пространство, обращаясь не столько к Ваньке, сколько к кому-то вообще, кто откуда-то сверху, незримый, наблюдает за происходящим.

Потом тетка Клава достала из сумки буханку белого хлеба. На место ее положила буханку черного, предварительно взвесив и откромсав уголок до ровного килограмма.

- На, бери! - протянула она белый хлеб

Ваньке. - Скажешь Ульяне Карповне, что я в долг дала. Завтра вернешь... Давай сумку.

Засунув в сумку хлеб и вернув Ваньке, добавила напоследок:

- Отец пусть за ремень-то не хватается. Разве ваша вина, что впотьмах за хлебом ходить приходится?

- Спасибо, тетя Клава... - насмелился, наконец, Ванька произнести требуемые слова благодарности.

- Как учишься? - переменяла тетка Клава тему. - В шестом или в седьмом?

- В шестом... На четверки, на пятёрки... - ответил Ванька. Потом спохватился и добавил: - Пятерок больше. Я читать люблю.

- Эх, ты... читатель!..

Тетка Клава шумно вздохнула.

- Ну, иди, иди... Мне закрывать надо. Мамке привет передай, не забудь. Мы с ней ведь одноклассницы были в девчатах... Не чужие. Папке тоже поклон: хлеборобу-ударнику... Они ведь с моим Василием в одной бригаде работают, растут вот этот самый... - она мотнула головой в сторону опустевших хлебных полок.

Ванька благодарно засопел оттаявшим носом. Подхватил с прилавка свою сумку и потопал к выходу.

На улице в лицо ударил холодной снежной крупой еще сильнее покрепчавший утренний ветер. Восточная крошка неба просветлела слегка, и в этой белесой глубине стали тонуть и гаснуть одна за другой дрожавшие, словно тоже окончательно зазябли в космической стыни, звездные пригоршни.

Сегодня дома будет белый хлеб!

И Ванька кинулся догонять Лешку, хотя понимал, что вряд ли успеет. Слишком уж он задержался нынче в магазине.

ИЗ КНИГИ «ИЗБРАННОЕ»

Бясят столбы вдоль улицы пустынной.
Летит фонарь сквозь хлопья наугад.
Пылают щеки. Пальцы колко стынют.
Зима... Тамбовка... Школа...
Снегопад...

1976 г.

МОЯ СУДЬБА

Г. Котенко

Мне село дорогое над амурской

волною,

Словно девушка, нежно заглядится

в глаза.

Эти синие дали вручены мне судьбою,
Жить на свете огромном без них нельзя.

Разбежались дороги по степному

раздолью.

Вызревают под осень золотые хлеба.

Выйду я на рассвете, поклонюсь

низко полю -

Ты мое испытанье, моя судьба.

От отцов и от дедов мне наследство

досталось -

За селом это поле, а в селе каждый дом.

Синева над Амуром в небесах

расплескалась.

Все до боли родное, мое кругом!

1978 г.

НЕ ПРИВЫКАЙТЕ

Не привыкайте, люди, ни к чему,
Особенно к всезнанию своему.

Скупны жонглеры громозвучных слов,
Скупы владельцы толстых кошелев.

Смешон надутый чванством бюрократ,
Но чистоплюй противней мне стократ.

Не привыкайте к искренним друзьям,
Родным озерам, рошам и полям.

Не привыкайте к детской чистоте,
Неповторимой женской красоте.

Не привыкайте уступать врагам
И верить энергичным дуракам.

Полезней нищим быть, чем все иметь.

Привыкнуть к жизни - значит умереть.

1984 г.